

ПАМЯТНИКИ

Памятники исторической литературы

Казимир Валишевский

Иван Грозный

«ИП Стрельбицкий»

Валишевский К.

Иван Грозный / К. Валишевский — «ИП Стрельбицкий»,
— (Памятники исторической литературы)

«Памятники исторической литературы» - новая серия электронных книг Мультимедийного Издательства Стрельбицкого. В эту серию вошли произведения самых различных жанров: исторические романы и повести, научные труды по истории, научно-популярные очерки и эссе, летописи, биографии, мемуары, и даже сочинения русских царей. Объединяет их то, что практически каждая книга стала вехой, событием или неотъемлемой частью самой истории. Это серия для тех, кто склонен не переписывать историю, а осмысливать ее, пользуясь первоисточниками без купюр и трактовок. «Иван Грозный» - произведение польского историка, писателя и публициста К. Ф. Валишевского (1849 – 1935). Монография написана в 1904 году. В предисловии автор пишет: «Известно, что в своем творении Петр Великий имел предшественников и явился продолжателем. Чьим? Непосредственные его предшественники - первые Романовы - правители государства, лишенного всякого сношения с Европой, закрытого для посторонних влияний и не имеющего возможности собственными силами достигнуть хотя бы первоначальной цивилизации». Книга полезна не только специалистам-историкам, но и всем, кого интересует прошлое России.

Содержание

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	5
Предисловие	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
I. Древняя Русь и новая Россия	9
II. Территория	10
III. Общественные классы. Аристократия	13
IV. Политический и социальный строй	15
V. Крестьяне	19
VI. Несвободное население	22
VII. Городское население	25
VIII. Церковь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Казимир Валишевский Иван Грозный

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Памятники исторической литературы» – новая серия электронных книг Мультимедийного Издательства Стрельбицкого.

В эту серию вошли произведения самых различных жанров: исторические романы и повести, научные труды по истории, научно-популярные очерки и эссе, летописи, биографии, мемуары, и даже сочинения русских царей.

Объединяет их то, что практически каждая книга стала вехой, событием или неотъемлемой частью самой истории.

Это серия для тех, кто склонен не переписывать историю, а осмысливать ее, пользуясь первоисточниками без купюр и трактовок.

Пробудить живой интерес к истории, научить соотносить события прошлого и настоящего, открыть забытые имена, расширить исторический кругозор у читателей – вот миссия, которую несет читателям книжная серия «Памятники исторической литературы».

Читатели «Памятников исторической литературы» смогут прочесть произведения таких выдающихся российских и зарубежных историков и литераторов, как К. Биркин, К. Валишевский, Н. Гейнце, Н. Карамзин, Карл фон Клаузевиц, В. Ключевский, Д. Мережковский, Г. Сенкевич, С. Соловьев, Ф. Шиллер и др.

Книги этой серии будут полезны и интересны не только историкам, но и тем, кто любит читать исторические произведения, желает заполнить пробелы в знаниях или только собирается углубиться в изучение истории.

Предисловие

Новая Россия во времена преобразований Петра Великого и Екатерины Великой уже была вооружена с ног до головы для всех завоеваний, моральных или материальных, приведенных в исполнение в то время или после.

Известно, что в своем творении Петр Великий имел предшественников и явился продолжателем.

Чьим? Непосредственные его предшественники – первые Романовы – правители государства, лишенного всякого сношения с Европой, закрытого для посторонних влияний и не имеющего возможности собственными силами достигнуть хотя бы первоначальной цивилизации. Восходя далее, к последним годам XVI века, мы встречаем «Смутное время», т. е. беспорядок и анархию, варварство и мрак. Между тем, рассматривая ближе, можно заметить, что внезапный свет цивилизации, озаривший Россию в 18 веке, не есть ее рассвет. Для восходящего солнца этот свет имеет слишком много блеска. Петр Великий не ошибся, и мрак, из которого явился его блестящий гений, был только лишь временным затмением.

Внешнее и внутреннее развитие великой Империи совершалось в таком порядке, какой имеет система снежных лавин.

После долгого промежуточного времени внезапное перемещение центра тяжести обозначает стремление вперед, с некоторыми остановками более или менее продолжительного характера.

Подобное явление повторялось уже несколько раз и, по-видимому, должно появиться еще. Причина его и объяснение очень естественны: совершая великую задачу, предназначенную судьбой, народ неизбежно должен был встречать препятствия и увеличить свои усилия.

В это время и в следующее двадцатилетие прогресс народа задерживается во внутренних делах, а во внешних останавливается на пути, по которому следовал прежде. Это оттого, что деятельность его была направлена в другую сторону: к завоеваниям новых владений, долженствующих еще расширить его границы до китайских морей с одной стороны и до Персидского залива с другой. Оставленные им задачи тем не менее зреют медленно, но верно, и берегитесь лавин!

Предшественник, последователем которого считал себя Петр Великий, был современником последнего Валуа, и вот к этому-то времени надо обращаться, чтобы раскрыть политические и интеллектуальные начала реформатора. Трудная задача, но лишь таким путем можно придти к пониманию окончательных результатов. Вот почему я предоставляю читателям этот том. Без сомнения, меня упрекнут, почему я не с этого начал, но в истории, как и в анатомии, нельзя начинать сначала, с зародыша и клетки, так что в действительности я только следуя научному методу.

Итак, с XVI до XVIII века Россия жила почти вне всякого общения с Европой и ее цивилизацией. Но прежде она уже делала усилия, чтобы выйти из этого замкнутого состояния, и то дело, которое вызвало сочувствие Вольтера, зародилось таким образом в то время, когда во Франции царствовали Карл IX и Генрих III. С этого времени огромная и варварская Московия начала входить в соприкосновение со своими западными соседями. Но дорога была заграждена Польшей и Швецией; понадобилось более века, чтобы устранить эти препятствия.

И если бы не было Батория, стрелка часов истории сделала бы свой оборот на сто лет ранее. Снаружи приобретение берегов Балтийского моря, уничтожение остатков власти татар, завоевание Сибири и открытие политических и коммерческих сношений со всеми государствами Европы; внутри – введение начал европейской культуры и реорганизация государства на тех началах, которые мы видим теперь, все, что Петр и Екатерина совершили,

было задумано, начато и отчасти приведено в исполнение в это первое утро цивилизации, за которым слишком скоро нависли вечерние сумерки.

Кто же это совершил? – Человек, про которого Кюстин пишет, что он перешел все границы зла, дозволенные, так сказать, в той сфере Богом его созданию, преступник, лицо которого кошмар и имя Ужас; соперник Нерона и Калигулы – Грозный! Это самый любопытный пример аберрации в области не только легенды, но и исторической критики.

И прежде всего это имя – Грозный (ужасный), которое я вынужден написать на обложке моего тома, *Ivan le Terrible*, чтобы обозначить, о ком речь, – не точное имя. Русские нынешнего времени не подозревают об этой неточности, допущенной при переводах на иностранные языки. Немцы не могут решить, как лучше перевести слово «Грозный», – словом *der Schreckliche* или *der Grausame*. Обе версии не точны, но вторая – хуже. Никогда москвичи не называли так Ивана IV в его время. Для них он был «Грозный». Однако обратите внимание на следующее: во время полемики Грозного с Баторием последний упрекнул своего соперника в том, что он окружает себя рындами, вооруженными секирой, во время приема послов. Грозный ему ответил: «Это чин государский, да и гроза», т. е. этого требует мой ранг и уважение, которое я должен внушать. Никогда «гроза» не имела другого смысла.

Обратитесь к «Домострою» – знаменитому домашнему уставу москвичей того времени, в главе, где говорится об обязанностях отца семьи, от него требуется быть «Грозным», т. е. внушающим уважение и уважаемым. Но что значат тогда убийства, эшафоты, уничтожение человеческих жизней, о чем говорят современники? Знаете ли вы в XVI веке какое-либо государство Европы, одна глава истории которого представляла бы идиллию? В Польше, быть может, где шляхта, с последними ягеллонами, начинала гибельные опыты в духе *poli me tangere*?

Баторий привел в Польше все на некоторое время в порядок. Но в эти времена Московия и Польша были антиподами, и если одна имела успех, а другая нет, – это только потому, что не разбирали средств. Обратите ваши взоры на гигантскую равнину, где работал этот народ, между Уралом и Карпатами, между Черным и Белым морями, и вы увидите, что не лаской, нежностью и благостью можно было смешать, перетереть и слить в нераздельное целое 20 различных рас, составляющих теперь Россию.

Возможно, что при этой работе Иван IV был более жесток, чем нравы его века. Мы об этом еще поговорим позже. Но в легендах и исторической критике эпитет «Грозный» стал синонимом жестокости без смысла и без оправдания, чисто варварского происхождения, доведенного до крайностей в своих проявлениях, и для того, кто знаком с могуществом слов, последствия не оставляют сомнения; слово наложило ложное понятие на вещи.

Конечно, представление об этом лице и его сподвижниках не может быть отделено от некоторых ужасных сцен, и вам надо приготовить ваши нервы к тяжелым испытаниям; но сквозь эти зловещие видения вы, тем не менее, заметите то, что я назвал восходом солнца.

В последнем из царствовавших Рюриковичей (не считая Федора, бывшего только тенью) один из вождей школы славянофилов, Кавелин, уже отметил центральную фигуру истории своей страны. С того времени попытки реабилитации этой фигуры множились и доходили до крайностей.

Постараюсь разобраться в этих противоположных позициях и занять сторону истины. Я не считаю возможным предпринять это изучение, не обозрев сначала географических, политических и социальных условий, а также интеллектуального состояния и нравов страны, куда историк не может проникнуть иначе, как в роли исследователя. Первые четыре главы этого тома будут посвящены такому обозрению. За растянутость и подробности прошу меня извинить: иначе я рисковал быть не понятым, и говорил бы загадками. Этот ключ необходим для большинства моих читателей.

Я мало пользовался неизданными документами. Те документы, которые оказались мне полезными, в большинстве случаев уже опубликованы, частью же совершенно недоступны. Что касается литературы по этому вопросу, то она очень обширна. И я не буду указывать на нее, чтобы излишне не увеличивать произведение. Я должен прибавить, что литературный источник представляет еще сырой необработанный материал. Исторiku нужно еще поработать, чтобы создать стройное целое.

Пусть мой друг И. Шукин, богатая библиотека и бесконечная любезность которого дали мне возможность выполнить мою задачу, примет выражение моей глубокой благодарности.

Казимир Валишевский
(1530–1584)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ РОССИЯ XVI ВЕКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ Страна и население

Древняя Русь и новая Россия. Территория. Общественные классы. Аристократия. Политический и социальный строй. Происхождение абсолютизма. Крестьяне. Несвободное население. Городское население. Церковь

I. Древняя Русь и новая Россия

«Налетел на меня многокрылый орел с когтями льва и унес у меня три кедра ливанских: мою красоту, богатство, моих детей. Земля наша опустошена, город наш разрушен, рынки уничтожены. Наши братья увезены туда, где не бывали никогда ни наши отцы, ни деды, ни прародители»...

Так устами одного из своих летописцев свободный, с республиканским устройством город Псков, присоединенный в 1510 году к новой московской державе, оплакивал потерю своей независимости, уничтоженные привилегии и своих сыновей, приговоренных к изгнанию. Отец Ивана Грозного, Василий Иванович, побывав в Пскове, на обратном пути оттуда увез мощный колокол, в течение веков сзывавший жителей на вече; сотни семейств местных жителей переселил во внутренние области своих владений, а на их место переселил москвитян и провозгласил присоединение республики к своему государству.

Это было повторение исторического события, имевшего незадолго до того в Западной Европе. Точно так же Карл Смелый ниспроверг в Льеже знаменитый регион, древнюю бронзовую колонну, у подножия которой в течение минувших веков народ собирался для принятия законов и исполнения разных других актов государственной жизни.

А по соседству с Карлом Смелым боролся Людовик XI с Бургундией, Бретанью, Гиенью, находившимися в вассальной зависимости от него, стараясь присоединить и удержать за собой эти жемчужины французской короны.

Это был решительный момент, когда слагались крупные государственные образования. Этот исторически процесс сопровождался болезненным кризисом. Но здесь, в этом отдаленном северо-востоке, задача «собирателей русской земли», как их называют, была особенно трудна. Дело заключалось не в простом слиянии областей, соединенных уже и без того близким сходством, общностью традиций, очевидным единством интересов. Представьте себе, что Франция завоевана в XV веке англичанами и какой-нибудь князь бургундский пытается создать монархию, и даже не в Дижоне, а где-нибудь в Германии, Швейцарии или Италии, и это новое государство должно собрать обломки разорванного, разрозненного французского отечества. Таково приблизительно было положение, из которого, благодаря трудам и непрерывным усилиям «собирателей», в начале шестнадцатого века вышел новый мир: Русь Иванов и Василиев.

Какова же была эта Русь? Конечно, это была не та Русь, по которой вы несетесь теперь в спальном вагоне из Киева в Петербург или из Варшавы в Иркутск.

Киевской Руси в это время уже не было. Петербургская же еще не сложилась. Из того, что в десятом и одиннадцатом веке составляло владения Ярославов и Владимиров, государь Московский XVI века не сохранил за собой и пяди земли. Хотя московские государи и называют себя великим князем или царем «всея Руси», но право на этот титул у них было таким же, как и право их современников английских королей, по которому они себе присваивали герб и корону Франции к своей отчизне. Киевская Русь в то время составляла часть польских владений, Могилевская область – литовских, Червонная, Белая и Малая Русь целиком принадлежали соседям. Москва была не что иное, как колония, основанная русскими в чужой, финской земле.

С XI по XIII в. Киевское княжество терзала братоубийственная борьба, происходившая между потомками Владимира Мономаха. В XIII столетии оно подверглось нашествию татар. В следующем XIV столетии после польско-литовских завоеваний от Киевского княжества не осталось ничего. В это бурное время один из наследников Мономаха, Юрий Долгорукий, стал во главе русских колонистов, искавших новых мест.

Он направился на северо-восток через лесные пространства, отделявшие бассейны Днепра и Волги, и на своем пути покорял встречавшиеся финские племена. В этой покоренной стране в 1147 году и была основана Москва. На первых порах этот новый город был лишь походным лагерем переселенцев.

Татарское нашествие застало Москву еще совершенно неустроенной. Она должна была подчиниться чужим законам и правам. Более двух веков после поражения русских на Калке (в 1224 г.) страну давила тяжесть опустошительной азиатской стихии.

Лишь в конце XIV века, когда обнаружилось постепенное разложение монгольского царства, московские князья почувствовали достаточно сил для того, чтобы свергнуть с себя тяжелое иго. В то же время они начали стремиться присоединить к своим владениям другие соседние колонии и ближайшие, отпавшие от них части древней Руси. Так создали они себе новую державу, а для Руси – новый центр. С 1478 года находился под их властью Новгород, а в скором времени также Тверь, Ростов, Ярославль. Иван III, справедливо прозванный Великим, присоединил новые области, лежащие за пределами древней Руси, и раздвинул границы своего государства на север до Финляндии, Белого моря и Ледовитого океана, на восток до Урала. Его сын Василий прибавил к этому на юге Рязань и Новгород Северский.

Составляло ли все это одно государство в историческом смысле этого слова? На этот вопрос приходится ответить отрицательно – единства между составными частями слагавшегося государства еще не было.

II. Территория

При своем вступлении на престол в 1533 году Иван IV наследует уже значительные владения, но даже в географическом отношении они были лишены единства. Повсюду замечается боевое настроение населения и выступают беспорядки насильственного присоединения земель.

Все эти присоединения представляются в виде какой-то беспорядочной кучи военной добычи. Вокруг нового центра, Москвы, группируются области, постепенно расширяющиеся. Большая часть из них не имеет установленных границ и даже приблизительных очертаний, так что при указании их приходится пользоваться только топографическими данными.

На северо-востоке находились земли нынешней Архангельской губернии, Вологодской и Олонецкой; на северо-западе – Новгородской и Псковской; на западе и юго-западе московскому государству принадлежала область Днепра с современной Смоленской губернией

и западная часть теперешней Калужской губернии, часть Черниговской губернии и западные уезды Орловской и Курской губернии. На юге были степи совершенно без установленных южных границ и с северной границей, проходившей по 55° северного параллельного круга, т. е. совпадающей с северной границей теперешних губерний Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Наконец на востоке владения московского государства составлял бассейн Камы с ее притоками – Вяткой, Чусовой и Белой.

Нужно отметить довольно характерную особенность: Новгород и Псков со своими областями составляют важную часть.

Здесь сосредоточивается промышленность и торговля страны. Экономически новое государство живет этими областями и даже зависит от них. Но промышленность была убога, более оживленно шла торговля, но и она ограничивалась скромными размерами. Живя рыбной ловлей, население этой болотистой, с обширными пустырями, страны мало занималось земледелием.

При таких условиях торговля привлекала значительную часть населения и служила для него главным источником существования.

Товары направлялись от берегов Балтийского моря внутрь страны; по тем же путям в обратном направлении шли местные продукты. На пространстве 282 127 квадратных верст во всей стране насчитывалось только 14 городов. Причем большая часть из них представляли собой небольшие укрепленные пункты-острожки. На обширной же территории в 171 119 квадратных верст Бежецкой и Олонецкой пятины вовсе отсутствовала городская оседлость. Встречались лишь поселки с рынками, где производились торговые операции.

Новгород со своими 5300 жилых домов до второй половины XVI века занимает первенствующее положение среди русских городов, за исключением Москвы. В одном Пскове, и только в пределах городских стен, не считая пригородов, по данным того времени насчитывалось 1300 лавок и контор. Но те же документы отмечают одно явление, резко выступающее в русской жизни XVI века: городской торговый класс населения быстро уничтожается, его вытесняют и заменяют военные элементы. В Гдове, где торгово-промышленный элемент более сохранился, чем в других городах, списки 1580–1585 г. отмечают только 14 душ представителей этой категории населения.

Исчезновение торгово-промышленного класса было следствием насильственного присоединения областей московскими князьями. Имущество населения покоренных областей массово конфисковалось, конфискованные предприятия часто передавались в другие руки. Это быстро изменило лицо страны до состава общественных элементов и отношений между ними включительно. Новые пришельцы были военными людьми, и в своем завоевательном движении и во внешнем росте Москва сохранила свой первоначальный характер – характер военной колонии в покоренной стране.

Иначе не могло и быть. Новое государство, как и все области его, представляет как бы сплошное поле битвы. Границы его с одной стороны недостаточно установлены, с другой – являются предметом постоянных споров. Из крепостей, защищающих его с северо-запада, Смоленск приобретен лишь в 1514 году, но все еще оставался номинальным центром литовско-польского воеводства. Что касается Великих Лук, то их скоро отнимет у Ивана Стефан Баторий. На северо-востоке колонизация продолжает распространяться вдоль берегов Белого моря, по реке Онеге и от северной Двины до Урала. Но и здесь, в так называемом Поморье, владения пришельцев ограничиваются морскими и речными берегами. С экономической точки зрения главная роль здесь принадлежит монастырям, являющимися не столько рассадниками благочестия, как центрами военной оккупации. Например, Соловецкий монастырь на Белом море имел соляные варницы и богатые рыбные ловли, содержал свою полицию и даже небольшое войско. Далее на восток от Двины заселение только начиналось. Население рассеяно по бедным рыбацким поселкам. Единственным центром с полу-

годовой ярмаркой здесь была Лампожня на Мезени. А по ту сторону Мезени тянулись уже совершенно пустынные места.

Следует отметить любопытную подробность.

Укрепленные пункты опоясывали государство, Москва же сохраняла свой прежний характер временной военной стоянки и не была достаточно прикрыта. Хотя Кремль был обнесен зубчатой стеной с башнями, но в нем находились только княжеские дворцы, жилища некоторых бояр, несколько церквей и монастырей, жизнь же столицы шла вне этих стен. Город с его деревянными домами, лавками, рынками, каменным гостиним двором, выстроенным по образцу Левантского базара, раскинулся далеко во все стороны от Кремля. Торговая деятельность шла в обширных пригородах, совершенно открытых или защищенных простым деревянным забором. Дома и лавки посадов, широко разбросанных вокруг и сливавшихся с окружающими полями, чередовались со вспаханнами нивами и зелеными лугами.

Торговая жизнь продолжалась также и в обширных слободах, настоящих уже селах, окруженных полями, садами, рощами. По соседству виднелись белые стены оград и золоченые купола монастырских церквей. Этот пестрый полугородской, полудеревенский вид уходил далеко и терялся с глаз у черты горизонта. Эта была настоящая столица государства, которое только выступало на путь исторического развития.

Способ обозначения провинций нового государства, находившегося еще в состоянии образования, соответствовал их переходному характеру.

Тогда говорили: «заокские, закамские города», подразумевая под названием город всю территорию, прилегавшую к известному центральному пункту. Даже центральную область, ядро слагавшегося государства, называли «замосковными городами». Например, Нижний Новгород, недавно приобретенный московскими князьями от младшей линии Мономаховичей, то имел значение центрального пункта, то относился вместе с Арзамасом и Муромом к окраине.

Между тем для зарождавшейся на северо-востоке новой Руси он был как бы вторым Киевом. Здесь те же удобства и красота положения. Когда англичанин Дженкинс в 1558 году отправлялся отсюда с целой флотилией галер на Дальний Восток, казалось, старое время воскресло и киевские князья собираются пуститься по Днепру и совершить свой «путь в Греки». Но все окрестные области до соседнего бассейна Клязьмы были опустошены московским завоеванием.

Страну усеяли развалины. Только Владимир сохранил кое-какие остатки былого величия. Сельское население все же было привязано к земле и не покидало ее, но в городах никого не оставалось, кроме военных отрядов. Это общее явление в новом московском государстве. То же самое замечалось даже в собственно московских областях и обнаруживалось уже в каких-нибудь 100–150 верстах от Москвы. На указанном расстоянии к северу тянется широкий пояс, где военные занятия постоянно совмещаются с мирными. Города Тверь, Ржев, Зубцов, Старица являются здесь стратегическими пунктами. К югу на верховьях р. Москвы и на Оке расположены города Серпухов, Кашира, Коломна, защищавшие переход через эти две реки от угрожавших постоянно набегов степняков.

Далее же за этой чертой тянулось другое пустынное, незаселенное пространство, так называемое дикое поле, куда колонизационное движение направилось только лишь во второй половине XVI века.

Таково было владение, к которому в царствование Ивана IV были присоединены вместе с Казанью, Астраханью и их областями земли по нижнему, среднему течению Волги, по Каме, Вятке и по побережью Каспийского моря.

К этим приобретениям после была добавлена загадочная область Казатчины, расположенная между Волгой, Доном, северной частью Донца, низовьями Днепра, представляв-

шая собой как бы обширный резервуар, куда стекались постоянно из Польши и Московского государства элементы, не поладившие с законом и порядками своего отечества.

Как в том, так и в другом государстве одни и те же политические и социальные законы выбрасывали наружу элементы общественного распада, для которых слишком тесны были нормальный рамки существования благодаря трем вечным силам, как создающим, так и разрушающим общественный порядок. Это – дух мятежа, дух предприимчивости, дух свободы.

Что касается общей численности населения московского государства того времени, мы не имеем никаких данных, чтобы определить ее хотя приблизительно. Даже сведения, касающиеся одной только столицы, настолько расходятся, что нет возможности сделать точный вывод из них.

В 1520 году число домов в ней исчислялось 41 500, что дает возможность предположить, что население равнялось по меньшей мере 100 000 душ. Шестьдесят лет спустя после этого посланный папой в Москву легат Посевин считает более вероятным числом населения 30 000. Правда, в этот промежуток времени Москва подверглась нашествию татар, разрушивших ее до основания. Но такой участи подверглось большинство городов этого государства, где военные схватки все еще продолжали вспыхивать от времени до времени, неся с собой разрушение и изменяя лицо края.

С этнографической точки зрения девять десятых страны имели только то русское население, которое оставила здесь прокатившаяся волна недавнего колониационного движения. Не было необходимости в то время «скресь» русского, чтобы найти татарина и особенно финна. Основой населения везде являлось финское племя.

Завоевания Грозного и его преемников произвели большие изменения в составе государства. Следы этих изменений мы можем видеть до сих пор на карте Кеппена. Но документальных данных, по которым можно было бы определить роль различных этнографических элементов в государственной жизни изучаемой нами эпохи, мы не имеем. Эта роль обозначается немного яснее лишь в интеллектуальной и моральной жизни страны, о чем речь будет впереди; в политическом же отношении она совершенно ничтожна. Московское господство сгладило всякие следы племенных трений путем удаления и поглощения чуждых элементов.

В социальном отношении разнообразие этнографического состава не проявляется по другим причинам. О московском государстве XVI века нельзя было сказать, что в нем два общества, или больше, живут в союзе или во вражде, так как тогда вовсе еще не существовало обособленных общественных групп.

III. Общественные классы. Аристократия

Среди особенностей, резко отличавших русское государство от Западной Европы, известная школа исторического и политического направления мысли отвечает и подчеркивает отсутствие классовых делений. Другие черты различия заключались в отсутствии в русском государстве феодализма с позднейшим его порождением – рыцарством и его пережитками. Церковь здесь не имеет той светской власти, какой она вооружена на Западе и пользуется ею для борьбы с государством.

Но все эти черты сводятся к одному, указанному уже началу – отсутствию классовых делений в русском обществе.

Подобное явление действительно существует, но оно слишком сложно и в своем проявлении и в причинах, обуславливающих его. Очевидно, что в этой стране, как и во всех других, были сначала богатые и бедные, потом земледельцы и торговцы, городские и сельские жители, – все это различные социальные элементы. Правда, элементы эти не успели еще сложиться в организованные группы. Я постараюсь это пояснить.

Жизнь Ивана IV прошла в борьбе с боярами, представлявшими собой аристократию. Кроме бояр, были и другие аристократические группы. Рядом с боярами стояли потомки древних удельных князей. Одни из них происходили от Рюрика, первого русского князя, другие – от первого князя литовского Гедимина. Занимая первенствующее положение в областном управлении, они добивались господствующего положения.

Некоторые из них происходили от старшей ветви той династии, из которой происходили и московские князья, но по младшей линии. Держась кое-где на остатках своих вотчин, они могли громко заявлять свои претензии и не упускали случая сделать это. Они пользовались некоторыми правами и привилегиями, вытекавшими из их прошлого положения независимых государей. Свои права и привилегии они ожесточенно защищали.

Однако прочтите Судебник 1497 года, изданный дедом Грозного Иваном III. В нем нет ни малейшего следа всех этих прав и привилегий. Все население, за исключением духовенства, разделяется на две категории, где нет ни малейших признаков социального деления и различия, созданного историческими условиями. Судебник знает только «служилых» и «неслужилых людей», – вот и все! Законодатель таким образом свел на нет историческое прошлое, деспотически распоряжаясь покорной массой населения, он и разделил его на эти две категории, соответствовавшие потребностям государственного строя.

В войске не было ни князей, ни мужиков, ни торговцев, ни земледельцев: были солдаты, дядьки, офицеры. Военнопленных обозначают только номерами по порядку. Население московского государства было как бы в военном плену. Служилые – солдаты, помогающие государю «собирать русскую землю». Неслужилые – работники, несущие тяжелую повинность доставлять пропитание армии во время похода. Место, звание, занятие каждого были точно определены служебным листом.

Все в ряд: таков приказ.

Никаких исключений для аристократии.

В первой категории служилых находятся бояре, князья, старшие придворные чины и важнейшие должностные лица. Если они и различались между собой, то только по началу административной подчиненности.

И рядом с ними стоят низшие слуги военного и гражданского ведомства: кузнецы, пушкари, столяры и простые воины. Купцы и земледельцы относятся к другой категории и также безразлично смешиваются и подчиняются одному порядку, возлагающему на них податное бремя. Служилые первого ранга пользуются некоторыми преимуществами: они занимают важнейшие должности, владеют землей; на суде их свидетельству придается больше значения. В случае обиды виновный уплачивает тройную пеню в сравнении с той, какая полагалась, например, за обиду дьяка. Но тот же самый принцип расценки штрафов за преступления против чести распространяется и на все ранги, приспособляясь к степеням и служебному положению.

Остается выяснить, как удалось провести в жизнь эту искусственную группировку и деспотическую классификацию общественных элементов. Очевидно, общественные группы были слабо организованы, так как правительство без затруднения разрывало естественную связь между ними и втискивало их в произвольно созданные рамки. Отсутствие сплоченности у московской аристократии при этом выступает очень ясно. В московском государстве, как и на Западе, ядро аристократии составляли придворные элементы. Филологи до сих пор не пришли к соглашению относительно происхождения слова «боярин». Одни производят его от бой, другие – от бол, болий, больший. Сначала слово боярин обозначало название дружинников, которых можно сопоставить с франкскими антрустионами, англо-саксонскими тенами или министериялами феодальной Германии. Но на Западе взаимоотношения между государем и его вассалами приобрели устойчивый характер, благодаря

феодалному строю землевладения, различию общественно-политических функций; там все это закреплялось и освящалось законом, привычкой, обычаем.

Но в московском государстве те же взаимоотношения имели расплывчатый, неопределенный характер, в зависимости от общей неустойчивости среды.

Сам князь долгое время здесь был в некотором роде кочевником. Дружина же его могла или следовать за ним, или оставить его. Князь мог отослать от себя своих сподвижников и они могли его оставить. Никаких обязательств на этот счет не было. Например, в 1149 году волынский князь отправился походом против киевского князя. Дружина ему изменила, оставила его и он потерпел поражение. Принуждения на верную службу тогда не существовало. Когда русская земля раздробилась на множество княжеств, бояре свободно переходили от одного князя к другому, одни из-за личных интересов, другие – просто по капризу. При этом они не теряли никаких прав, так как подобные переходы не считались изменой. Переходившие сохраняли за собой земельные владения и часто отдавали их под покровительство нового князя.

Когда Москва выступила на историческую сцену, она не замедлила воспользоваться этим обычаем. Она видела в нем превосходное орудие для своей политики объединения, средство вызвать ослабление соседних княжеств и усилиться за их счет. Ставши центром национального притяжения, не имея равных себе соперников среди соседних княжеств, она ничем не рисковала при такой политике: все стекались к ней и никто не думал уходить отсюда куда-нибудь в другое княжество. Мало-помалу солнце Москвы притянуло к себе и поглотило осколки мелких светил, которые его окружали.

Так из того, что было выброшено другими, в руках Московских князей образовался слишком мягкий, податливый материал, из которого можно было лепить что угодно.

Окружавшие теперь московского князя бояре не были больше его сотоварищами, разделявшими с ним вместе опасности и победы, они были побежденными, как бы пленниками, оторванными от родной почвы.

Вся аристократия новой северо-восточной Руси, не исключая и той части ее, которая по-прежнему сидела на родовых поместьях, не имела в себе достаточной прочности. Для образования наследственной давности прошло слишком мало времени, чтобы на нее могла опираться аристократия. В феодальных государствах в создавшихся отношениях между сувереном и сеньором, сеньором и сельским населением была полная аналогия и можно сказать, что вассалитет и серваж взаимно друг друга дополняли. Московская же аристократия была в других условиях. Она терялась среди свободного населения, которое в лучшем случае соглашалось работать на крупных землевладельцев заделью, да и то вечно торговалось, вступало в споры.

Как бы то ни было, Москва распоряжалась по-своему этим зыбким материалом и даже придала ему известную устойчивость в военной организации.

IV. Политический и социальный строй Происхождение абсолютизма

Относительно происхождения и характера московской государственной власти существует несколько различных взглядов. Историческая школа, о которой я уже упоминал выше, считает ее органическим явлением, обусловливаемым характером этой ветви славянской семьи, которую судьба перенесла с родной почвы на далекую чужбину. По взгляду этой школы, только этот строй, в котором проявлялся дух русской народности, соответствовал особенностям нации в области государственного устройства и обеспечивал жизнеспособность созданных ею политических учреждений. Другие славянские государства, организованные на иных началах, иногда были в блестящем состоянии, но оно было кратковременным, бла-

годаря слабости центральной власти, которая не могла препятствовать быстрому росту и усилению аристократии.

Но откуда же явилось у славянской колонии северо-востока расположение к этому именно политическому строю и способность подчиняться ему?

Забелин объясняет развитие самодержавия в московском государстве влиянием Восточной церкви; в учении ее принцип неограниченной патриархальной власти получает полное развитие и освящение. Некоторые же другие историки указывают на влияние финского элемента. Но приведенные взгляды историков нельзя считать более или менее удачно разрешающими вопрос. Все они не выдерживают критики.

Влияние церкви было таким сильным и даже более энергичным в киевский период древней Руси, и между тем не видим здесь того сильного единоличного самодержавия, какое развивается в московском государстве к концу XV века. В византийских хронографах, в исторических данных Прокопия, императора Льва, Дитмара Мерзебургского мы встречаем указание, что у славян существовали народные собрания и обладали или полнотой власти, или хотя некоторыми ее прерогативами. Русские славяне не представляли собой исключения.

По свидетельству Нестора, они даже совсем обходились без княжеской власти.

Позднее, в одиннадцатом веке, мы находим те же самые демократические учреждения в Киеве, Новгороде, Смоленске и Полоцке. Вече (вече производное слово от глагола вещати) функционирует на всем пространстве русской земли, хотя компетенция их и не везде одинакова. В одних местах им принадлежит вся верховная власть; в других они пользуются только правом избрания князя. Более или менее широкое участие их в политических функциях власти существовало везде. Сохранение их прав обеспечивалось договорами – рядами с князьями и грамотами последних.

Самодержавие в своей первоначальной форме не было синонимом абсолютной власти. Московский самодержец – это двойник византийского autocrat'a, но власть византийского самодержавного императора разделялась между ним и духовенством. Московское духовенство также долго считало самодержавие символом независимости от иностранных государств. Если не народные, то по крайней мере права церкви здесь оставались еще нетронутыми. Тем не менее название самодержавный могло повести к опасному смешению понятий, что и случилось сначала на северо-востоке страны, где князья Суздальские и Рязанские силой установили династическое наследование престола на основании первородства. Таким образом был нанесен удар народоправству (суверенитету народа), и нужно сказать, что еще до появления татар на Руси принцип народовластия сильно пострадал. Оно сохранилось только кое-где в виде исключения. В полной неприкосновенности оно осталось только в Новгороде и Пскове почти до конца XV века; в других же местах оно было или совсем уничтожено, или подверглось существенным ограничениям еще в начале XIII века.

Монгольское владычество оказало на усиление московского самодержавия не больше влияния, чем Византия. Правда, в отношениях между правителем и подданными оно внесло существенные изменения. Раньше положение князя зависело от народа, теперь оно обуславливалось капризом нового владыки-хана. Теперь путешествие на берега нижней Волги с богатыми подарками имело больше значения, чем народное избрание. Князь возвращался из путешествия с ярлыком, избавлявшим его от необходимости искать другой способ достижения власти. Флорентийская уния и падение Константинополя оказали влияние в том же направлении. До конца XIV века церковь знала только одного царя. Это был император византийский. Московское духовенство поминало его в молитвах при богослужении «императором русским» и «государем всего мира». После указанных событий нужно было перенести этот титул на кого-нибудь, и естественно, московские князья получили его.

Все эти случайности играли, можно сказать, второстепенную роль и не имели решительного влияния на ход вещей. Что же касается влияния на организацию русской государственной власти финского элемента, то отсутствие его очевидно. Правда, бывают случаи, когда покоренные передают победителям свои порядки и нравы, но это возможно только лишь в том случае, когда побежденные стоят в культурном отношении выше своих победителей. Подобное предположение вполне допустимо. Но нужно принять во внимание, что русские колонисты тринадцатого и четырнадцатого века, хотя и были варварами, все-таки стояли выше в культурном отношении тех финских племен, с которыми им приходилось сталкиваться во вновь заселяемой стране. Не одной же ведь только численностью покоряли они их.

Ключ к разрешению загадки, на мой взгляд, заключается во взаимодействии двух отмеченных уже явлений: отсутствии расчленения в русском обществе и его военном переустройстве, какому оно подверглось, благодаря обстоятельствам, сопровождавшим его первоначальное образование и развитие в новом северо-восточном государстве. Русская колонизация долго продолжалась в чужой стране; переселенцы были окружены врагами. Князь был начальником войска и естественно пользовался своим выгодным положением, чтобы уменьшить и без того незначительную связь между общественными элементами. Последние своей слабостью сами помогали усилению его всемогущества.

Но подобные явления наблюдались и при образовании других государств. Особенностью процесса развития русского государства было то, что оно одновременно переходило и к формам высшей цивилизации. Это исключительная черта в развитии русского общества. Долго находилось оно вдали от европейской жизни. Затем ему пришлось быстро усваивать плоды культурных завоеваний, даже такие, которые находились в полном противоречии с его родным отсталым политическим и социальным строем. Все это совершалось внезапно, даже вопреки требованиям нормального прогресса. Просветительное движение, питавшееся чужими плодами, в некотором роде способствовало само по себе развитию абсолютизма, давая единоличной власти такие средства, каких не сыскать в варварском обществе. Иван IV был человек просвещенный и поэтому он был опаснее Людовика XI. Иван будет воздействовать на души своих подданных, чтобы засадить их за железную решетку своей тюрьмы, где связанная Россия должна будет мучиться в продолжение целого века.

Легко проследить, как создалась эта темница. Москва старалась привлечь к себе как можно больше людей из соседних княжеств; когда же в ней оказалось значительное число послушных и исполнительных слуг из таких пришельцев, государи московские поспешили прекратить свободные переходы, которыми они прежде пользовались в своих интересах. С другой стороны, соседи их теперь им только помогли достигнуть намеченной цели. В своих интересах они уже успели сделать кое-какие ограничения в этом роде. Решительный шаг в этом направлении сделало мнимое либеральное, республиканское правительство. За республиками вообще немало числится подобных ошибок; я не касаюсь современности. В 1368 году Новгород запретил гражданам уходить с его территории под страхом лишения прав собственности на всякое имущество, какое может там остаться. Москве ничего не оставалось сделать, как только последовать этому примеру. Самый принцип пока еще щадили. Но при Иване III начали сажать в тюрьму тех из его «слуг», кто казался недостаточно надежным. Чтобы вернуть себе свободу, подвергающейся подозрению мог и не отказываться от своего права, правительство делало вид, что само его охраняет, и он только давал обязательство, что впредь не воспользуется им; иногда же от него требовалось поручительство.

Я останавливаюсь на этих деталях, потому что иначе дальнейший ход истории нации может показаться совершенно непонятным. Иван IV широко пользовался разного рода прецедентами. Он даже установил для служилых людей нечто вроде круговой поруки в верности ему.

Князья и бояре были прикреплены таким образом к месту и ограничены тесными рамками, но тем не менее все еще сохраняли некоторую политическую и социальную автономию, основанную на знатности их происхождения и на владении старинными вотчинами или хотя бы остатками вотчин и удельных земель. Здесь они сохраняли еще некоторые верховные права и многие привилегии. Московское правительство пользовалось средством двух родов, чтобы уничтожить их.

Во главе новой иерархии не ставились потомки Рюрика и Гедимины, предпочтение отдавалось простым «слугам» государя, помогавшим раньше собирать русскую землю. Незнатное происхождение, хотя бы от простого конюшего царского двора, не составляло препятствия к занятию высокого поста. В этой новой, только зарождавшейся служебной аристократии отсутствовал кастовый, корпоративный дух, что облегчало задачу правительства. Другое, более действенное средство, к которому прибегало правительство – это конфискация земельных владений. Эта система здесь, среди разлагавшихся древних княжеств, применялась слишком широко и энергично и способствовала накоплению в руках правительства огромной массы земель. Московское правительство начало раздавать эти земли, но с таким расчетом, чтобы новое служилое землевладение не имело ничего общего по своему характеру с древним. Это были и не уделы, и не вотчины, а простые поместья, как показывает само название земли, дававшееся в виде вознаграждения за службу соответственно занимаемому месту. Поместья были в пожизненном владении и по наследству передавались только лишь в том случае, когда наследник-помещик принимал на себя все служебные обязанности своего предшественника. Поместья, как и вотчины, были свободны от налогов, но зато на них лежала наиболее тяжелая повинность, именно – государственная служба. Это нечто аналогичное с феодальными владениями Западной Европы, но с существенным отличием от него. Тогда как на Западе лен давался за добровольную службу, в московском государстве поместье давалось за службу и без того обязательную. В итоге здесь не создалось корпоративной аристократии. Платить жалованье натурой было выгодно для правительства и в том отношении, что постепенно сглаживалась разница между древним удельным или вотчинным владением и новым его типом – поместным. При таком порядке вещей вотчинник и помещик сливались в одну массу.

При временном, изменчивом характер поместного землевладения размеры его были довольно ограничены.

Иногда величина поместья не превышала тридцати десятин. Кроме того, часто наделение даже такими скромными поместьями отсрочивалось, затягивалось или же было чисто фиктивным. В 1570 году 168 душ «детей боярских», так назывались лица, которые не унаследовали от своих знатных предков почетного титула, связанного с определенным служебным местом, были записаны на службу в Путивль и Рыльск. 99 из них, за неимением свободных поместий, не получили ничего. В то же время и по той же причине одному из таких «бумажных помещиков» не хватило 74 десятин из пожалованных ему 80 и таким образом он получил всего лишь 6.

Благодаря этому служилые люди по образу жизни, по домашней обстановке, одежде, пище очень мало отличались от простых крестьян; иногда материальные средства их были хуже, чем последних. Что касается высшей знати, то она занимает важнейшие должности и получает соответственное жалованье, живет она в деревянных, выстроенных по одному образцу, домах. Многочисленные пристройки, крылечки, теремки, затейливые крыши, службы придавали им внушительный вид. Внутри же эти покои разделялись на несколько изб, с деревянными полами, которые ежедневно выскабливаются и выметаются. Снаружи при входе лежала куча сена для вытирания ног. В горнице на видном месте стояла посуда, чаще оловянная, чем серебряная. Ничто не говорило о блестящей роскоши.

Разница между боярами и простолюдинами заключалась в том, что первые считали нужным окружать себя большим числом слуг: поваров, пекарей, садовников, портных и разного рода других работников. Тут же встречаются и дворовые люди, положение которых как будто выше положения других слуг, но вместе с тем оно не завидно. Обязанности их заключались в том, что они должны были постоянно сопровождать своего хозяина пешком или на лошади, находиться при нем в дороге и дома во время деловых занятий и забав. Я чуть было не позабыл о приказчике, самом необходимым для помещика из всех его слуг. Хотя бы имение помещика состояло всего только из нескольких десятин, он не может обойтись без alter ego, тем более, что для него нет возможности самому заниматься обработкой земли, которая доставляет ему средства к жизни. Даже если бы он и захотел своими руками обрабатывать землю, это было невозможно для него, так как с раннего детства и до глубокой старости все время его было занято военной или гражданской службой своему государю. Служилый человек должен был быть мастером на все руки. Вот его призывают на войну. Он берет с собой мешочек пшена, несколько фунтов соленой свинины, немного соли, смешанной с перцем, если только его средства позволяют ему приобрести эту, вообще высокоценную и относящуюся уже к предмету роскоши, приправу. Вместе с провизией он берет с собой топорик, трут, медный котелок – и он вполне снаряжен. В походе он обойдется без своего приказчика. По возвращении на родину он найдет, быть может, свое имение опустошенным или, по крайней мере, обворованным его же приказчиком, и будет подбирать апельсиновые корки и объедки тыквы, выброшенные на дорогу из кареты каким-нибудь проезжим иностранцем, как описывает Герберштейн, но он не выйдет из своего дома, хотя бы для того чтобы постучать в соседнюю дверь, без своей лошади и нескольких слуг.

Таково положение служилого человека. Нередко он желал бы расстаться с ним и слиться с другой категорией людей «неслужилых», которые не несут таких тяжелых повинностей, как он, и живут гораздо лучше его. Ничто бы его и не удержало, если бы не эта служба, с которой он связан неразрывной цепью. Понятия о корпоративной чести отсутствовали. В действительности демаркационная линия между служилыми людьми проводилась только лишь служебным списком. Кто-нибудь из «боярских детей» имеет братьев, которые по какому-либо случаю не попали в служебные списки, живут, как простые крестьяне и довольны своей судьбой. Случалось, что кто-нибудь из тех же «боярских детей» поступал к кому-нибудь из знати в качества простого портного.

Даже на вершине новой служебной иерархии замечается отсутствие чувства солидарности, завещанного аристократическими связями прошлого или выработанного общностью новых служебных обязанностей и положений. Оно постепенно изменяется и исчезает среди вечного произвола и постоянной перетасовки; люди перебрасываются с одного места на другое и из одного состояния переходят в другое, с низшей ступени служебной лестницы на высшую, из последнего ранга в первый и наоборот.

Происхождению и служебным степеням значения не придавалось. Все смешивались, и сегодняшний псарь завтра мог оказаться равным с самым знатным боярином. Смешиваясь с этой толпой «слуг» низшего происхождения и не чувствуя ни кровных связей, ни общих традиций и интересов с ними, потомки Рюрика и Гедимины скоро сами утрачивают если не гордость и воспоминание о своем происхождении, то, по крайней мере, стремление защищать, возвышать и высоко ценить свою новую службу, разделяемую с такими товарищами.

Так совершающийся процесс развития повторяется и в других слоях этого общества, лишенного единства. Ход его еще яснее заметен в судьбе другого класса – крестьян.

V. Крестьяне

То, о чем я собираюсь говорить здесь, представляет собой печальное явление.

Ребенком я еще видел последние дни режима, исчезнувшего в России полвека тому назад. Акт освобождения крестьян в 1861 году казался тогда запоздавшим актом справедливости и политического благоразумия. В действительности же он был преждевременным и поспешным, так как уничтожаемый им порядок вещей существовал всего лишь два с половиной века.

В противоположность тому, что совершалось во всех других государствах Европы, в России крепостное право явилось не пережитком варварских времен, а явлением, возникшим на почве новых отношений при переходе государства к европейской цивилизации. В некотором смысле оно парадоксальное следствие новой фазы национального развития русской жизни.

Парадокс этот – несомненный факт. К концу шестнадцатого века, когда во всех европейских государствах, не исключая и соседней России Польши, связи между крестьянами и владельцами земли разрывались или, по крайней мере, ослабевали, когда под влиянием новых социально-экономических законов рушился феодальный мир, – в России в это время напротив выковывались цепи, которые здесь раньше вовсе и не существовали.

До этого времени главная масса крестьян занимала покоренные или колонизированные земли и была, по крайней мере, формально свободна. Можно сказать, что положение их даже несколько улучшилось по сравнению с прежним. Прежде их называли смердами, что служило обозначением презрения к ним и было позорным (смердит – неприятно пахнет). Теперь же они получили другое общее название, указывающее на рост их социального достоинства, а также свидетельствующее и об отсутствии корпоративного обособления, что является характерным признаком отношений того времени между общественными элементами этой страны. Живут ли они в деревне или в городе, обрабатывают землю или посвящают себя другим занятиям, их называют крестьянами, т. е. христианами.

Они образуют главную массу земледельческих и промышленных рабочих. Обрабатывал ли крестьянин землю собственную или же такую, которая принадлежит ему только частью, он лично и его труд оставались свободными. В первом случае он располагал землей совершенно свободно, лишь бы уплачивал причитающиеся с него налоги в пользу государства или общины, от которой он зависел. Во втором случае он являлся фермером или арендатором и уплачивал за пользование земельным участком владельцу известную сумму, согласно договору. Условия и арендная плата были не везде одинаковы и зависели от местных обычаев, качества и действительной стоимости земли, а также и от юридических свойств занимаемой земли.

Одни из земель назывались белыми, т. е. свободными от государственных налогов, другие черными. На последних лежало податное бремя. К первым принадлежали вотчины и поместья, ко вторым относились земли дворцовые и крестьянские. Земельные владения церкви относились то к одной, то к другой категории, в зависимости от условий, создаваемых для духовенства, и от того, к какому разряду относились приобретаемые им участки.

Арендные или оброчные договоры заключались на три года и на более продолжительное время, в зависимости от севооборота. Договоры такие были очень часты по всему северу и в центре края. Лица, приобретшие право пользоваться землей, в большинстве случаев пользовались значительной свободой действия. Другие же договоры создавали для землевладельца повинности, напоминающие обязательства английского Sveman'a. Он должен был рубить лес для помещика и перевозить в его усадьбу, иногда уплачивать при выдаче замуж дочерей некоторую сумму, по образцу французского formariage'a. Обычай требовал также, чтобы каждый из держателей земель делал некоторые подарки ее владельцу к Рождеству, Пасхе и другим праздникам.

Все эти специальные повинности носили название барщины, изделия или еще боярщины. В них можно видеть зародыш будущих, увы, уже рабских отношений. Барщина и

другие повинности имели в то время некоторое основание в том, что крестьянин часто получал от помещика ссуды деньгами, сельскохозяйственными орудиями и семенами. Все взятое он должен был возратить вместе с процентами.

Цены на пользование землей были очень различны, и трудно установить их размеры. В центральных областях плата за обжу или выть (пятьдесят десятин) – достигала в середине шестнадцатого века 1-2-х рублей. Но часто денежная плата заменялась отработкой. Держатель, например, обжи должен был за нее обработать владельцу одну или полторы десятины. Остается установить относительную цену рубля в эту эпоху.

По сопоставлению цен на хлеб, он равнялся почти 100 современным нашим рублям. Но это определение слишком проблематично.

На черных землях, принадлежавших государству, плата за землю заменялась налогами и повинностями, вполне соответствовавшими ей, но вообще менее тяжелыми. На белых и черных землях, принадлежащих церкви и особенно монастырям, условия землепользования обыкновенно были более легкими.

Крестьянин, на чьей бы земле он ни сидел, мог свободно оставить ее, лишь бы только покончить расчет с ее владельцем. Точно так же последний мог передать ее другому крестьянину по окончании контракта. Подобные явления встречались сплошь и рядом. Чрезвычайная подвижность населения издавна была характерной чертой русского государства; в это время она даже несколько усилилась. Но уже с XIV века эта обоюдная свобода, благодаря экономической необходимости, подверглась ограничению. Сначала установился обычай, что помещик не мог воспользоваться своим правом во время жатвы, когда у крестьянина также не могло явиться мысли воспользоваться своим. Иван III установил большую определенность в отношениях между владельцем и крестьянином. Время и двухнедельный срок для взаимных расчетов были приурочены к Юрьеву дню (17 ноября). С этого времени крестьяне при переходе начинают уплачивать владельцу земли так называемое пожилое в размере от 65 копеек и до рубля шести коп., в зависимости от ценности участка. Таков был закон. На практике он, конечно, часто нарушался. Рабочих рук было мало, и их разыскивали повсюду. Как князья переманивали друг от друга себе «слуг», так и помещики переманивали крестьян. Часто это производилось насильственным способом и называлось свозом. Нередко крестьянина удерживали на прежнем месте под предлогом неуплаты каких-нибудь повинностей. Но, несмотря на эти стеснения и ограничения, свобода оставалась свободой.

Положение крестьянина, без сомнения, было тяжело. Он выполнял повинности перед помещиком и общиной, вносил подати на судопроизводство. Причем плата за пользование землей все увеличивалась. В своей книге о русском сельском хозяйстве в XVI веке Рожков рассчитал, что в северных областях около половины крестьянского урожая поступало в пользу помещика. Остальной же части едва хватало на полгода, чтобы прокормиться крестьянину со своей семьей. Разведение скота или какой-нибудь мелкий промысел помогали только кое-как сводить концы с концами. Крестьянин был очень беден, но он, как древний англосаксонский *seogl* или германский *Markgenosse*, в юридическом и административном отношении был равным до некоторой степени с боярином, купцом и духовенством. Судебные учреждения были общими как для него, так и для лиц других сословий. Причем в тяжбе с лицами иного сословия, подчинившимися особой юрисдикции, крестьянин, наравне с другими, мог требовать для себя того суда, которому он подлежал по закону. К тому же крестьянин пользовался некоторой долей самоуправления в среде сельской или городской общины, которая еще в недавнее время служила предметом испытания проницательности историков. Я еще вернусь к этому вопросу при более основательном рассмотрении подробностей организации государства.

Как я уже упоминал, не все крестьяне занимались земледелием. В документах этого времени часто встречается разделение крестьян на палатных и деревенских. Что же пред-

ставляли собой эти деревенские крестьяне? Документы относят к этой категории мельников, портных, сапожников. Здесь еще раз выступает отсутствие корпоративной организации, смешение социальных элементов; исключение составляет только церковь.

Итак, в деревнях есть крестьяне, не занимающиеся обработкой земли, а в городах встречаются крестьяне-земледельцы. В деревнях крестьяне из первой категории часто при-мыкают к загадочному разряду бобылей, хотя это некоторыми оспаривается.¹ Бобыли – это крестьяне без земли. Иногда они обрабатывают землю, но в качестве батраков. Большею же частью это ремесленники, но еще чаще просто бродяги, смешивающиеся с другими разного рода общественными отбросами – казаками, скоморохами, нищими и даже разбойниками. В несении налогового бремени бобыли принимали участие, и было бы крупной ошибкой считать, что в этом отношении они составляли исключение и отличались от тяглых (от слова тянуть, т. е. нести податные повинности).

Земли иногда еще освобождались от налогов особыми грамотами на время или навсегда, но это составляло исключение. Тянуть же тягло – было общим правилом данного времени. Платили везде и за все. С бобылей также взимались платежи и повинности с дома и с ремесла, которым они занимались. Не платили они налогов за землю, которую иногда обрабатывали, но это потому, что занимались этим делом в пользу других. Это единственное различие между бобылями и обыкновенными крестьянами-землевладельцами.

В бобыли можно было попасть или по несчастию, или по доброй воле. Но ничто не удерживало в этом незавидном положении, и с ним легко было расстаться, лишь бы нашлись средства, чтобы вернуться к тому положению, в каком находились остальные крестьяне. В XVI веке количество бобылей среди сельского населения колеблется от 2,4 % до 41,6 %. Цифры более низкие относятся к монастырским владениям. В следующем веке это отношение изменилось благодаря влиянию смуты, терзавшей наследие Грозного. Население сделалось еще более подвижным, и одни только монастыри более или менее удерживают рабочие руки, привлекая из сел и деревень массу бобылей и других земледельческих элементов, так называемых монастырских детенышей. Они не платили податей, но все-таки были лично совершенно свободными.

Существовало ли тогда рабство в русском государстве, которое до половины XIX века являлось последним оплотом крепостного права в Европе? На этот вопрос приходится ответить утвердительно. Но в XVI веке несвободный элемент составлял едва заметную часть населения.

VI. Несвободное население

Даже в позднейшее время обращение военнопленного в рабство признавалось на Руси естественным правом победителя. Кроме того, рабство имело еще и другие источники, как-то: выход замуж за раба и рождение от такого брака, несостоятельность должника, выполнение некоторых обязанностей по домашней службе и добровольное согласие стать рабом. До XIV века должность тиуна (княжеского ключника) была связана неразрывно с лишением личной свободы. Несостоятельный должник до XVII века становился рабом своего кредитора до тех пор, пока не погашался полностью долг. В XVI веке к этим источникам рабства присоединился еще один – нового происхождения, так называемая кабала. Это арабское слово обозначает такой договор, когда занимавший деньги, обязывался уплатить их с процентами посредством отработка. Сам по себе такой договор не влечет за собой потери свободы, так оно и было в Германии и южной Италии. Кабальный мог освободиться, рас-

¹ См. по этому вопросу книгу Дьяконова «Очерки по истории сельского населения в России», 1889 г., стр. 209, и Сергеевича «Русские юридические древности», 1903 г., III т., 133 и след. стр.

платившись. Но в России кабальная зависимость влекла за собой потерю личной свободы, рабство. Вся история сложившегося здесь рабства полна примерами таких фактов.

Законы Ивана Грозного перечисляют четыре категории рабов: полные холопы, такие, которые обращены в безусловное рабство, распространяющееся и на их потомство; холопы старые, т. е. потерявшие свободу в силу давности по каким-либо условиям, холопы кабальные и, наконец, докладные, утратившие свободу по докладу – особой формы договору, свободно заключенному. Констатируя положение, созданное прошлым, законодатель старается смягчить это завещание варварских времен, стремится ограничить условия перехода во многих случаях. Вступив в общение с западным миром, Россия, казалось, склонна была вместе с другими плодами цивилизации усвоить и свободу. Мы не имеем документальных данных и не можем представить точных цифр, но, основываясь на косвенных указаниях, приходим к заключению, что вопрос об избавлении от рабской зависимости касался самой незначительной части трудового населения.

Эта была эпоха, за которой последовало всеобщее порабощение народа. Как же это случилось? Почему произошло такое странное извращение в ходе развития уже определившихся отношений?

До последнего времени вся тяжесть ответственности за введение на Руси крепостного права, по общему мнению, должна была пасть на правительство конца XVI века. По наиболее распространенному взгляду, оно одно по своему почину и собственными средствами произвело глубокий и печальный переворот в юридическом и социальном положении трудящихся масс. Теперь этот ошибочный взгляд оставлен. Крепостное право здесь, как и в других местах, явилось продуктом времени и особенного политического и экономического состояния государства. Нет надобности для объяснения этого факта прибегать к туманным построениям славянофильской доктрины.

По мнению Кавелина,² крепостное право есть естественное, логически неизбежное следствие всей организации русского государства, основанной на принципе патриархальной власти. С этой точки зрения оно носит скорее характер благодеяния. Встречавшиеся иногда случаи жестокого обращения обуславливались всеобщей грубостью нравов, но никак не принципом.

Власть одного человека над другим представляла собой только вид опеки и основывалась не на силе господина, а на слабости опекаемого, нуждавшегося в опоре, защите и руководительстве. Но эта гипотеза не объясняет нам, почему именно в период государственного развития замечается увеличение массы социально обездоленных и ухудшения их тяжелого положения, когда, казалось бы, личная зависимость должна была если и не уничтожиться, то, по крайней мере, ослабеть. Между тем, в действительности, как рисуют ее исторические факты, мы видим другую картину. В истории русского населения XVI века замечаются два крупных явления: это быстрое исчезновение крестьян-собственников и внезапное обеднение всего вообще крестьянского населения.

И вот последствия: с одной стороны, масса трудящихся – земледельцев и других, – не находя больше средств к пропитанию, решаются отказаться от своей свободы, чтобы не умереть с голоду. С другой – огромное количество крестьян, сидящих на чужой земле, не в состоянии уже расплатиться с владельцами и таким образом теряют существенное право, от которого зависит их свобода, право перехода к другому помещику по истечении договорного срока. Одни, утратив кормившую их землю, должны были или просить милостыню, или идти в холопы. Другие не в состоянии возратить владельцу занимаемых ими участков земли полученную от него в той или иной форме ссуду. В большинстве случаев крестьянин при вступлении в пользование участком земли получал ссуду, равнявшуюся 3 рублям. По

² Сочинения, I, 630.

истечении 10 лет он обязывался возратить вместо 3 руб. – 30 руб. и, кроме того, уплатить 56 коп. или 1 р. 06 коп. пожилого. Это составляло около 300 руб. на наши деньги.

В большинстве случаев сделать единовременно уплату такой крупной суммы не было никакой возможности. Так создавалось препятствие к переходу к другому владельцу. Непрерывно растущий долг, серебро, как его называли, обращался в обязательство, прикреплявшее крестьянина к земле. В конце концов эти серебряники сливались с простыми рабами – холопами докладными и кабальными. Точно такова же была история несостоятельных арендаторов, сидевших на римском *ager publicus*, как изображает в своих исследованиях Фюстель де Куланж.

Формально признавалась личная свобода большей части крестьян, но она на практике с половины XVI века сделалась привилегией землевладельцев и все более и более уменьшающейся группы незадолженных крестьян, сидевших на чужой земле.

Что же послужило причиной этого общего обеднения земледельческого класса? Не трудно угадать. Военное положение обходилось слишком дорого. Я уже указывал, какую боевую организацию создало московское государство. Непрерывно увеличивая свои военные силы, оно должно было соответственно увеличивать и расходы.

Приходилось прежде всего платить вознаграждение «служилым людям», которые все в большем и большем количестве призывались под знамена. Затем, стремясь преобразовать свое военное устройство по образцу западноевропейских государств, правительство должно было делать расходы на новое иностранное вооружение, экипировку и уплату жалованья иностранцам, набравшимся в русские войска из разных европейских стран. Откуда же было брать средства для этого?

Единственным источником обложения, единственным доступным для пользования богатством края была земля. На нее-то и легли все эти новые тяготы. Что бы наделить служилых поместьями, правительство уменьшало владения крестьян; чтобы наградить иностранных мастеров, оно облагало податями помещиков, которые старались выжимать побольше с крестьян, сидевших на их земле. Земля отвечала за все, покрывала все расходы. Она стала как бы государственной монетой, на которую разменивались труд, служба военная и гражданская и всякого рода повинности. И земля не сопротивлялась. Никогда, даже находясь в руках вотчинников, она здесь не считалась предметом полной, неприкосновенной собственности. Очень рано установился взгляд, что земля является в сущности достоянием государства. Переход ее в частные руки допускался в известных пределах, но верховное право на нее сохранялось за государственной властью. Сами землевладельцы оказывались в полной зависимости от государя. При отсутствии корпоративной организованности, что я уже раньше отмечал, они не в состоянии были оказывать ему серьезное сопротивление и защищать свои интересы.

Так своей слабостью или покорностью они способствовали развитию системы, от которой сами же страдали. Более же строптивым оставалось одно средство – бегство за пределы досягаемости. Это характерная черта русского человека – скрыться, уйти прочь, но только не бороться с невыносимыми условиями. Мы еще увидим, как проявилась в истории эта черта. Крестьяне прибегали к вышеуказанному способу защиты в количестве еще более значительном, чем помещики. Для них бежать было и легче. За помещиками и вотчинниками более следили. Отправляясь в соседнюю Польшу искать себе счастья, они подвергались большим случайностям и серьезному риску. Крестьянину стоило только перейти юго-восточную, слабо охраняемую, границу, а там за нею тянулись бесконечные пространства, где его гостеприимно встречала свободная от всяких налогов и повинностей девственная земля.

В XVI веке, с самого начала его, земледельческое население русского государства бежит, оставляя землю необработанной. Явление это становится общим и принимает раз-

меры настоящего национального бедствия. Государство чувствует, что это подрывает его основы и считает нужным вмешаться. Оно обращается сначала к более угнетенным. Определенных планов пока еще не замечается, но уже с половины XVI века проведен ряд мер, если и не в законодательном, то в административном порядке и путем целого ряда судебных решений. Меры эти имели целью сделать неподвижным налог и таким образом удерживать население на черных дворцовых землях. Сидевшие на чужой земле были еще свободны оставить свой участок, но с тем условием, чтобы в другом месте, куда они перейдут, несли такое же, как и прежде, или высшее тягло. Затем очередь дошла до белых земель, находившихся во владении служилых людей. Крестьяне убегали и разоряли помещика, а разоренный помещик оставлял государство в убытке.

Правительство, не прибегая пока к общим мерам, старалось упрочить положение помещиков и обеспечить себе регулярность их службы путем частных местных распоряжений. Помещику, например, в виде исключения предоставлялось право задерживать поселившихся на его землях крестьян, а также разыскивать и возвращать их к себе в случае бегства.

Такова вообще была политика Москвы: сначала ставить только вехи будущей решительной, коренной реформы.

Две грамоты, данные братьям Строгановым в половине XVI века, ознаменовали собой решительный шаг правительства на этом пути. В грамотах было сказано, что Строгановы обязаны ловить и возвращать на место беглых крестьян, если они оказались в обширных областях, отданных им для колонизации. Сюда, в отдаленные, дикие степи направлялось из центра население, разрушая таким образом экономическое благосостояние государства и его военную силу. Некоторые полагали, что с половины XVI века общим мероприятием был запрещен свободный переход только для известной категории крестьян – так называемых старожилов, т. е. земледельцев, уже давно сидевших на занимаемых ими участках.

Однако, вопреки мнению Дьяконова и других историков, Сергеевич решительно опроверг эту гипотезу.³ Вопрос о рабочих руках и о поземельном обложении сыграл здесь решающую роль. Он породил то чудовище, которое носило имя крепостного права. Одно рабство имело следствием другое: служилый человек, запертый в железной клетке, втолкнул в нее крестьянина, за которым в свою очередь туда последовали купец и духовенство. Мы уже видели, что городское население ничем не отличалось от сельского. В этом заключалась целая пропасть, отделявшая Россию XVI века от других европейских государств.

VII. Городское население

На западе успехи торговли и промышленности привели к организации городского населения в корпорации, вооруженные для борьбы с феодализмом. В среде этих групп, благодаря солидарности их членов между собой, выработался тот дух свободы, который царил над всем устройством самоуправляющихся общин; развилась материальная и умственная деятельность, откуда вышли высшие формы экономической жизни: накопление капитала, учреждение кредита и высшие формы умственной жизни: наука, искусство, общественность.

Россия не знала ничего подобного и, быть может, именно отсутствие этих центров жизни и общественной позиции способствовало образованию и укреплению введенного в государство деспотического строя.

Торговля оставалась ограниченной, промышленность едва существовала, и город здесь не являлся естественным следствием их развития. Долгое время город, как показывает само название (город, огороженное, укрепленное место), имел совершенно иное назначение. В самом деле, как мы видели, в Москве промышленная и торговая жизнь кипела вне город-

³ Русские юридические древности, III, 460 стр. и дальше.

ских стен, в посадах и слободах, населенных множеством ремесленников. Последние и по своему положению, и по правам сливались с жившими здесь же с ними и не уступавшими им по численности земледельцами. Только в XVI веке государство решило установить различие чисто фискальное, сводившееся не к различию между двумя категориями населения, а между двумя местами жительства: горожане должны были платить больше, чем поселяне. Реформа, очевидно, не имела своей целью установить между плательщиками какую-либо органическую связь. Единственной задачей правительства здесь, как и в других местах, было создать высший оклад налогов и сделать его неподвижным. Политико-экономические идеи правительства были слабы и ошибочно далеки от того, чтобы способствовать увеличению этого источника доходов; оно его, напротив, парализовало, повышая налоги. Оно ставило на каждом перекрестке таможенного надсмотрщика и на каждом углу улицы сборщика, монополизировало для выгоднейшей эксплуатации все отрасли промышленности и торговли, начиная с продажи ржи, овса, вообще зерновых продуктов, приготовления пива, кваса и других напитков.

И нигде никто здесь не защищается, не замечается ни малейшего следа борьбы против этого постепенного захвата. Случай со Псковом и Новгородом чисто политического характера. Между тем элементы оппозиции были. С самых отдаленных времен торговля была в чести в стране и считалась благородным занятием. Предприятия варягов, как и древних славянских князей, имели одновременно военный и торговый характер. Герои национальных былин – Садко, Соловей Будимирович, Чурила Пленкович, Васька Буслаев – воплотили этот двойственный тип торгового дельца и отважного авантюриста. Оппозиционные элементы были, но недоставало корпоративного духа. Купец, розничный торговец, и гость, оптовый, оба занимаются коммерцией, но однако они также склонны и к другим занятиям и часто предаются им.

С другой стороны, профессиональная специальность, которой они обязаны своим именем, не ограничивается только ими. Торговлей с увлечением занимаются все: крестьяне, монахи, военные, важные сановники – занимаются до того времени, когда государство, под давлением одной и той же заботы, не разделит функции, чтобы лучше разложить и закрепить повинности. Это будет делом XVII века. Но и тогда будет еще только одним полком больше в великой армии, больше узников в великой темнице, а корпорации все-таки не будет; они создадутся позже указами Петра Великого и Екатерины II. До них история не создаст этого. Таким образом разобщенные социальные элементы после падения Пскова и Новгорода, поглощенных великой военной державой, лишились единственных центров, где могли достигнуть более или менее значительного сплочения. Эти элементы подверглись общей участи закрепощения, так как были бессильны выполнить ту роль, какую городские общины Запада блестяще выполнили в высшем культурном движении.

Оставалась церковь. Я сейчас покажу, почему и она, под действием тех же причин не могла идти по следам своей западной соперницы.

VIII. Церковь

Благодаря обаянию, вытекающему из деятельности церкви в стране сильной веры, и тому, что она была единственной хранительницей и рассадницей знания и, кроме того, обладала большими материальными средствами, ей удалось достигнуть значительного могущества. Заклучая в себе в начале XVI века десять епархий: Московскую, Новгородскую, Ростовскую, Вологодскую, Суздальскую, Рязанскую, Смоленскую, Коломенскую, Зарайскую и Пермскую, она пользовалась в своем ведомстве обширной юрисдикцией. Агентами ее в данной сфере деятельности являлись церковные должностные лица, а также и уполномоченные светские – бояре, епископские дьяки, наместники, судьи. Отправление суда в то

время было связано с обложением тяжущихся сторон известными пошлинами: по образцу светского суда и церковный эксплуатировал население. Порядок этот основывался на частноправовом взгляде на государство. Он давал церкви возможность усилить свои средства, но не увеличивал ее морального авторитета. Правда, порядок этот должна была затронуть реформа, создававшая в XVI веке разные административные центры из самоуправляющихся общин. По примеру того, что совершалось в области управления гражданского, были введены выборные и присяжные старосты также и во всех областях церковного ведомства; в то же время церковное судопроизводство оставалось отделенным от гражданского. Но это начинание имело кратковременный характер. Государство испробовало его совершенно случайно, подчинившись либеральным веяниям, шедшим с Запада. Но оно, как мы увидим, скоро вернулось на путь своего деспотизма, и церковь, подчинявшаяся одному порядку, последовала за правительством и при другом. Она постепенно сливалась с соперничавшей властью государства, пока не произошло почти полного совпадения их органов, функций и ведомств. Между тем церковь не лишена была средств, чтобы отстоять и сохранить свою независимость. Вплоть до управления имуществом, ее прерогативы были равны царским. Церковные земли, с точки зрения административной и судебной, были совершенно независимы от правительственной власти. Исключение составляли только некоторые уголовные дела – воровство, убийство, разбой. А земли ее были слишком обширны. Неравномерно распределенные, но постепенно возматовавшие богатства духовенства белого и черного, последнего в особенности, превосходили богатства всех других классов. Рассеянные в пятнадцати епархиях митрополичьи владения приносили в конце XVI века до 3000 рублей дохода.

Епископ Новгородский был еще богаче: ежегодный доход его равнялся 10–12 тысячам рублей. Другие епископства были также щедро и всегда более чем достаточно наделены. Приходское духовенство находилось в менее выгодных условиях. Оно пользовалось скромными земельными наделами, которые иногда не превышали 3 десятин и редко достигали 30 десятин. Кроме того, получало денежные поддержки – руш от 12 копеек до 19 рублей. Рассчитывать на щедрость верующих не приходилось, так как жертвования направлялись преимущественно в монастыри. По меньшей мере, раза четыре в год священник обходил свой приход с крестом и святой водой. Но даже с дохода, который добывался таким нищенским способом, епископ удерживал себе десятую часть.

Большая часть общественного богатства находилась в руках черного духовенства. Оно владело громадными пространствами земли. К доходам присоединилась еще дань национального благочестия, часто чрезвычайно огромная. От одного Ивана IV Троицкий монастырь за 30 лет получил не менее 25000 рублей, что по минимальному расчету должно составлять около миллиона рублей на наши деньги. Находившийся в менее благоприятных условиях Кирилло-Белоозерский монастырь получил в течение того же времени 18 493 рубля, не считая даров натурой. Например, в 1570 году ему было пожертвовано 100 пудов меду, в следующем – 10 лошадей и от времени до времени другие предметы – иконы, ценная церковная утварь. Одно присланное священное облачение было оценено в 6000 рублей.

Обширные монастырские владения в большинстве случаев освобождались от налогов и повинностей. Духовенство пользовалось свободой взимать таковые в свою пользу. Оно привлекало и удерживало у себя множество рабочих рук. К доходам с земли, которая обрабатывалась лучше, чем где бы то ни было, и к богатствам колонизированных мест, увеличивавших владения, монахи присоединяли различные промыслы. У них скоплялись деньги страны. Выгодно помещая их, они становились крупными капиталистами, почти единственными коммерсантами, а как землевладельцы они не имели конкурентов. Обладая лучшими землями в 25 уездах, Троицкая Лавра имела 106 600 крестьян, и доход ее равнялся 60 000 рублей в год; на наши деньги около 2 400 000 рублей. В своих исследованиях Иконников устанавливает величину дохода всех великорусских монастырских общин в 824 593 рубля.

Доход этот получался с 3 858 396 десятин земли, обрабатывавшейся 660 185 крестьянами. К этой цифре нужно прибавить еще доход с земель, обрабатывавшихся непосредственно самими монастырями.

Вычисления эти только приблизительны. Однако все документы, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о громадных и несоответствующих общему состоянию страны богатствах монастырей.

Было бы однако большой несправедливостью утверждать, как это делали в то время, что духовенство, белое и черное, употребляет свои материальные средства и моральное влияние только для своих выгод. Очень долгое время здесь, как и в других местах, нравственное сознание народа находило себе поддержку только в среде этой национальной церкви и свое выражение – в ее учении. По крайней мере до половины шестнадцатого века духовная власть представителей церкви и особенно митрополита служила благодетельным противовесом всемогуществу государства. Из прав, присвоенных высшему духовенству, заступничество за жертв произвола и насилия должно быть вписано золотыми буквами в историю страны. Кроме того, церковь и белое духовенство были деятельными сотрудниками и, с некоторой точки зрения, главными работниками в великом деле национального объединения, к которому стремилась Москва. Это требует пояснения. У первых «собирателей земли русской» идея единства была еще полусознательной.

В своем завещании сын Калиты Симеон Гордый (1341–1353) настойчиво рекомендует своему сыну идти по намеченному им пути, «чтобы память о наших отцах и о нас не изгладилась и чтобы не потух светильник»... Однако не гордая мечта переустройства великой родины, а другие заботы вызвали вековые усилия этих темных князей. Они прикупают деревню к деревне, прибавляют владение к владению, накапливают в своих сундуках золото, серебро, драгоценные камни, жемчуга, обсчитывают своего господина, татарского хана, при уплате ему дани, разоряют и убивают своих братьев-князей. Если же кому-нибудь из них придется высказать свою затаенную мысль, объясняющую причину этой упорной работы, он просто скажет, что это все делается ради того момента, «когда нас Бог избавить от Орды»... То, чего они желали, была прежде всего свобода, возможность не гнуть больше спины под сапогом иноземного завоевателя и не слизывать с шеи коня капле кумыса, который прольет хан из кубка, поданного ему ими же. Им еще приходится это испытывать. И они хотят выйти из этой зависимости. И когда это случится, они снова примутся накапливать новые богатства, будут совершать новые насилия и грабежи с единственной целью приобрести несколько десятин и наполнить сокровищами несколько лишних сундуков.

Однако идея национального единства мало-помалу проникает в упрямые головы этих фанатических скопидомов. Она родилась и выросла рядом с ними. Гораздо раньше, чем какой-либо московский князь подумал сделаться политическим представителем объединенной Руси, митрополит московский стал ее религиозным представителем. Такова была сила вещей.

Славянский Восток составлял как бы одну епархию, зависевшую от константинопольского патриарха. Таким образом он имел главный центр объединения, общий очаг. Этот центр долгое время был кочующим, как и все другие. Но уже современник Калиты (1325–1341) митрополит Петр решил принять титул митрополита всея Руси, и тогда же князья, отстаивавшие друг перед другом первенство Москвы, Рязани, Суздаля, Твери, заспорили из-за того, чья столица будет местом пребывания митрополита и с ним приобретет видимый знак превосходства. Михаил Ярославич Тверской сначала взял верх и начал называть себя князем всея Руси. Но Калита скоро победил, и преобладание Москвы было утверждено за полтора века до Ивана Великого. Полтора века спустя религиозное единство распалось, благодаря образованию по соседству в польско-литовском государстве нового духовного центра. Флорентийская уния завершила разобщение между этими двумя центрами. Но уже в

то время политическое единство, выросшее и окрепшее в Москве, приобрело шансы стать прочным и продолжительным. Монастыри со своей стороны внесли часть дани в дело колонизации, которому новая Русь также в некоторой степени была обязана своим возникновением.

Движение монастырской колонизации шло главным образом в противоположном направлении тому, которое совершали обыкновенные колонисты, побуждаемые исключительно практическими соображениями. Тогда как последние направлялись в богатые южные земли, монахи, воодушевляемые высшими идеалами, направлялись на северо-восток, в пустынные места и непроходимые леса. Без них сюда долго бы еще не проникли и предприимчивые миряне. Там они входили в соприкосновение с финским населением, еще поклонявшимся идолам, и выполняли двоякую задачу: разрабатывали девственные земли и просвещали души язычников. Они все подвигались и подвигались вперед. Таков Трифон, современник Ивана Грозного. Он со своим товарищем Феодонитом на берегу реки Печенги научил искусству обрабатывать землю и просветил истиной веры лапландские племена, которые встретили сначала враждебно благочестивых отшельников, а потом стали послушны им.

На востоке, со стороны татарской границы, религиозная проповедь также опередила завоевания. Возникшие здесь монастырские учреждения задолго до взятия Казани, еще в четырнадцатом веке, перешли за р. Суру, а потом продолжались и дальше, помогая, а иногда и защищая прогресс национального движения. Располагая большими средствами, часто хорошо укрепленные, монастыри были поддержкой для армии во время военных кампаний. Монастырь Святого Кирилла со своими валами, снабженными артиллерией и 38 массивными башнями, в стратегическом отношении превосходил Новгород.

Наконец, если стечение верующих в эти излюбленные места паломничества давали повод к непростительному торгашеству на ярмарках, совпадавших с приходскими праздниками, если обыкновение давать частным лицам займы деньги и брать с них не менее 10 %, если все это вызывало ожесточенные споры, то все же существовала до XVIII века традиция, требовавшая, чтобы эти богатства, собранные в одних руках, являлись в некотором роде запасом, к которому государство могло бы прибегнуть в годину испытаний. Подобно сокровищам, накопленным египетскими жрецами в знаменитом Лабиринте, не были оберегаемы так строго, чтобы в них не видели в некотором роде общего достояния. Обычай также требовал, чтобы монастыри никому не отказывали ни в пище, ни во временном пристанище. Князья и бояре сами пользовались этим, заезжая по пути в Господни обители и, подкрепившись в них, брали еще с собой запасы в дорогу. Что же касается бедняков, то они смотрели на обители как на нечто принадлежащее им. И монастыри оправдывали подобные претензии. В Волоколамском монастыре в один неурожайный год однажды роздали хлеба 7000 человек и в течение месяца кормили 4–5 тысяч голодавших. Это было при Василии Ивановиче, отце Грозного. Игумен Иосиф в этот год продал скот и даже монастырские облачения. Монахи отказались даже от кваса и ограничивались самой необходимой суровой пищей. С этого же времени стали основываться при монастырях гостеприимницы и больницы.

Чего же недоставало этим подвижникам, чтобы еще больше возвысить их значение, чтобы, как на Западе, основать в своих обителях и при церквях очаги высшей культуры и элементарного образования, чтобы стать не только религиозными просветителями, но и воспитателями, насадителями цивилизации среди своего народа? Чего не было у этих, часто героических, священников, из которых одни ходят от дверей к дверям, собирая подаяния для тысяч обездоленных, другие выдерживают борьбу со стихиями в суровом северном крае или идут к трону смягчать страшный царский гнев? История давно ответила: им недоставало образования.

Из 23 митрополитов, бывших на Руси до монгольского нашествия, 17 было греков, и еще долго после этого греческий и болгарский элемент преобладал в составе духовенства как белого, так и черного. Даже после того как русские митрополиты перестали быть поставляемы в Константинополе, т. е. сразу же после Флорентийской унии, они все еще продолжали искать там утверждения в своем сане.

Частые появления на Руси восточных монахов за сбором милостыни и частые путешествия русских паломников к обителям Афонской горы и другим соседним святыням — все это поддерживало непрерывные сношения между обеими церквами. Религиозная жизнь страны, таким образом, постоянно обращалась к своему первоисточнику. История доказала, что это был источник, из которого и Западная Европа некогда утоляла свою духовную жажду. Я покажу далее, что Русь XVI века могла приобретать оттуда, какие элементы культурного и нравственного развития могла черпать там. Здесь я остановлюсь только на одном факте.

С 1420 по 1500 год в стране возникло 150 новых монастырей и с 1500 по 1588 г. еще 65. Хотя английский путешественник Флетчер и преувеличил, называя Россию шестнадцатого века «страной монастырей», но несомненно, что этого рода учреждения достигли в эту эпоху сравнительно больших размеров. Крайняя свобода, которая царила там, одна в достаточной степени может объяснить это.

Первый пришедший отшельник, имевший средства выстроить какую-нибудь маленькую церковку или молельню из дерева, мог по желанию сделаться игуменом, начальником общины. Он обращался к государю, боярам или просто богатым людям, чтобы получить от них земли, а благочестие верующих и значение, какое вообще придавалось молитвам иноков, делало остальное. Но все эти учреждения принимали неизменно устав Василия Великого, как Западные общины долгое время придерживались устава святого Бенедикта. Это положение сохранилось до наших дней. Не есть ли это доказательство ничтожной интенсивности в религиозной жизни, застывшей в одной форме?

Жизнь есть движение. С другой же стороны, мотивы, удерживающие в такой косности эти общины, не имеют ничего общего с заботами о благочестивом созидании или о возвышенном духовном усовершенствовании. Показав само явление, я должен подойти к его обратной стороне. Те факты, о которых я буду говорить, общеизвестны. Они возбудили почти общее порицание даже в среде самой церкви и вызвали реакцию, происхождение и характер которой я выясню, хотя она и оказалась бессильной и почти бесплодной.

Аскеты-идеалисты того времени, такие, как Максим Грек, Вассион Косой или Нил Сорский, закончили свою жизнь в заточении, преданные анафеме, исключенные из числа членов религиозной общины. Тот самый Феодонит, о высоких подвигах которого я уже упоминал, должен был умереть в темнице. Вина его заключалась в том, что он давал своим современникам слишком высокий пример для подражания. Большинство его собратий в клобуках было далеко от этой возвышенности.

Если они и не ограничивались тем, что в праздности, а иногда и в невоздержности, ели плоды своих занятий, если они, как мы видели, порой и уделяли часть своих средств бедным, все же их кругозор не выходил из сферы узкопонимаемой набожности, ограничивающейся внешней обрядностью. Очень много архимандритов и игуменов шли по еще более наклонному пути. Они отдавали монастырские богатства в рост и приспособляли устав к своим сибаритским привычкам. Общая жизнь в монастырях стала редким явлением. Общим столом пользовались только некоторые из братьев. Пища их была остатками пышных трапез настоятелей, завладевших общим достоянием и широко живших на них со своими застольниками, родными, друзьями, богатыми вельможами, избравшими себе местом жительства эти роскошные Фиваиды. Там весело проводили жизнь. Много пили. С XVI по XVII век, как

показал Прыжов в своей «Истории кабаков»,⁴ монастыри были крупными производителями и хранилищами разного рода напитков. В них собирались многочисленные веселые компании. Женщины часто посещали кельи. Иногда там встречались также мальчики. В некоторых монастырях монахи и монахини жили рядом.

Преобразовательное течение шестнадцатого века должно было коснуться этого мира, зараженного испорченностью нравов, как и западные монастырские общины той же эпохи. Но здесь не было достаточно жизненного элемента, чтобы произвести реформу и дать ей восторжествовать. Начинания в этой области скоро остановились и нравственный авторитет церкви был навсегда поколеблен. Общественная роль церкви в это время уменьшилась и значение ее сильно ослабело, благодаря действию других причин. До татарского нашествия разделение русской земли на маленькие княжества и сохранение постоянной связи церкви с Константинополем были гарантией независимого положения ее владык. Но в это время они решили стать под защиту новой власти. Митрополит Кирилл стал жить при дворе самого хана. Милостивая грамота Мангу Тимура и щедро раздававшиеся его преемниками ярлыки были наградой за это положение. Но полученные таким образом милости влекли полнейшее отречение от былой независимости, и когда Москва получила наследие азиатских деспотов, привычка духовных владык к повиновению уже прочно укрепилась. Указы заменили собой ярлыки и требовали того же подчинения.

⁴ 1868 г., стр. 53.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.